

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОФЕССИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.10

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 240—255.

For citation:

Peshkova V. M. Transnational Aspects of the Household Economics of Labor Migrants from Central Asia in Russia // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 1. P. 240—255.

В. М. Пешкова

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЭКОНОМИКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЭКОНОМИКИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ

TRANSNATIONAL ASPECTS OF THE HOUSEHOLD ECONOMICS OF LABOR MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN RUSSIA

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН, Москва; научный сотрудник проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» Европейского университета, Санкт-Петербург.

E-mail: pever@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3530-922X

PESHKOVA Vera Mikhailovna — Candidate of Historical Sciences, researcher, Center for Regional Sociology and Conflict Studies IS RAS, Moscow; researcher in a project «Transnational and translocal aspects of migration in modern Russia», European University, St. Petersburg, Russia. E-mail: pever@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3530-922X

Аннотация. Статья основана на сравнительном исследовании мигрантов в России и их семей в Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан). Автор предлагает понимать экономические практики трудовых мигрантов шире, чем просто денежные переводы, включая в них функции воспроизводства человеческого капитала, форми-

Abstract. The article is based on the comparative study of migrants living in Russia as well as their families in Central Asia (Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan). The author proposes to consider economic practice of migrants broader than just money transfers; reproduction of human capital, formation of supply and demand, exchange of things

рования спроса и предложения, обмена вещами и идеями. На основе анализа структуры доходов и расходов трудовых мигрантов выделяются четыре условных типа вовлеченности семьи в миграцию и, следовательно, типы организации семейной экономики: «семейные пары», «женщины-одиночки (замужние или разведенные)», «холостой мужчина/женщина», «женатый мужчина». Фокус исследования сосредоточен на транснациональном домохозяйстве мигранта как на единице анализа его экономической активности, что продуктивно для понимания стратегий интеграции мигрантов, а в некоторых случаях — и природы международной миграции.

Ключевые слова: трудовые мигранты, семейная экономика, транснационализм, трансмигранты, миграция из Средней Азии

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (№ 14-18-02149, проект «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» Европейского университета в Санкт-Петербурге).

Практически весь постсоветский период истории России характеризуется постепенным ростом международной миграции. Только в 1990-е гг. в миграционном потоке преобладали вынужденные мигранты, а в 2000-е гг. подавляющее большинство начинают составлять трудовые мигранты. Из чего складывается и на что расходуется доход семьи мигранта, кто и как в семье принимает решение, на что тратить заработанные деньги, в том числе при выстраивании приоритетов при распределении локальных и транснациональных расходов, каким образом на семейную экономику влияют локальные и транснациональные внутрисемейные отношения? В данной статье предпринята попытка ответить на эти вопросы, дополняя анализ финансов мигранта анализом финансов его семьи на родине. При этом мигрант и его семья, оставшаяся на родине, рассматриваются как одно домохозяйство. Под домашним хозяйством понимается социально-экономическая единица, объединяющая людей отношениями,

and ideas should also be taken into consideration. Four basic types of the family engagement in migration (i. e. types of organization of household economics) based on the income and expenditure analysis are singled out: «family couples», «single women» (married or divorced), «single man/woman», and «married man».

The study is focused on transnational migrant household as a unit of economic activity analysis which helps understanding the strategies of integration of migrants and, in some cases, the nature of international migration.

Keywords: labor migrants, family economics, transnationalism, transmigrants, migration from Central Asia

Acknowledgement. The article is prepared with support from the Russian Scientific Foundation (No. 14-18-02149, project «Transnational and translocal aspects of migration in modern Russia», European University, St. Petersburg).

возникающими при организации их совместного быта, причем не только при совместном проживании, но и при принятии экономических решений на основе совместного формирования и использования денежных средств. Как правило, это семейное домохозяйство, которое в контексте Средней Азии часто означает расширенную семью, включающую более чем одно взрослое поколение, а также всех братьев и сестер [Ilkhamov, 2013: 264].

Статья основывается на данных проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в России», который содержит сравнительное изучение трудовых мигрантов и их семей как в России, так и в странах Средней Азии. В основе проекта лежат антропологический подход и качественные методы исследования. В качестве единицы исследования или кейса выступает домохозяйство/семья, часть членов которой находится в миграции (в Санкт-Петербурге или Москве), другая часть — в странах Средней Азии. Исследовательским коллективом изначально было отобрано 45 кейсов (по 15 на каждую страну). Подбор кейсов (семей, домохозяйств или групп родственников) был осуществлен в самих странах Средней Азии и уже с помощью родственников участники проекта устанавливали контакт с мигрантами в России. Исследование одной семьи или кейса включает проведение интервью (за весь проект проведено 4 интервью с периодичностью раз в полгода) со всеми членами домохозяйства/семьи как в России, так и в Средней Азии, а также постоянное наблюдение за их жизнью через личный контакт. Данный текст основывается на анализе материалов, собранных в первый год реализации проекта: на данных 90 интервью (по 2 интервью с членами 45 семей «там» и «здесь»).

Теоретико-методологические основания статьи

В научных работах по международной трудовой миграции преобладают изучение экономических стратегий мигрантов, оценка их денежных переводов (в частности размеры и способы пересылки), влияние миграции на экономическую ситуацию в отпускающей мигранта стране, а также причины и последствия миграции для отпускающей страны [Kazuhiro, 2011]. В связи с тем, что страны Европы, США, Канада и Австралия столкнулись с международной трудовой миграцией намного раньше России, в зарубежных социальных исследованиях уже сложилось несколько теоретических моделей экономического поведения мигрантов, которыми чаще всего и объясняются причины миграции.

Макроэкономические теории трудовой миграции, например, теорию сегментированного или двойного рынка труда [Gilder, 1981], теорию мировых систем [Wallerstein, 1989], неоклассическую экономическую теорию, включающую модель притягивающих/выталкивающих факторов [Todaro, 1976] объединяет то, что, как правило, в качестве факторов, объясняющих трудовую миграцию, они выделяют либо структурные потребности современных экономик, либо неравномерное экономическое развитие стран, развитие глобальной рыночной экономики, вызывающее проникновение капиталистических экономических отношений в периферийные некапиталистические общества и т. п. [Douglas et al., 1993: 433].

Долгое время в дискуссиях о трудовой миграции доминировали модель зависимости, которая фокусируется на социоэкономической стоимости миграции, часто

усиливающей локальное социальное неравенство, и модель развития, в рамках которой подчеркивается, что при внимательном подходе к инвестициям денежных переводов происходит экономический рост и отпускающей общины, и страны исхода в целом [Cohen, 2008: 954]. Эти теории чаще всего критикуют за то, что они концентрируются на экономических аспектах миграции и не придают значения нерациональным и личным причинам экономического поведения мигрантов.

В противоположность макротеориям микротеории объясняют причины и последствия международной трудовой миграции действиями индивидуального актора. Они концептуализируют международную миграцию как форму инвестиции в человеческий капитал, а миграционное движение объясняют рациональными решениями индивида улучшить жизнь. В ряду микротеорий следует выделить теорию новой экономики, согласно которой миграционное решение принимается, как правило, семьями или домохозяйствами, чьи члены действуют коллективно, чтобы не только максимизировать доход, но и минимизировать риски [Odet, 1991]. Эта стратегия выражается в том, что одни члены домохозяйства занимаются экономической активностью дома, а другие уезжают в трудовую миграцию. Причем цель такой диверсификации семейных ресурсов заключается не только в том, чтобы увеличить абсолютный доход домохозяйства, но и в том, чтобы, по выражению Дугласа Мэйси, «уменьшить их относительную депривацию в сравнении с другими референтными группами в общине» [Douglas et al., 1993: 434—435]. Одним из наиболее существенных вкладов этой теории миграции является интеграция принятия решений о миграции и поведения мигрантов по переводу денег с использованием этих переводов семьями мигрантов.

Эти теоретические векторы частично объединяются в рамках транснационального подхода, согласно которому современная миграция рассматривается как поэтапный транснациональный процесс, охватывающий как отпускающую, так и принимающую страну под влиянием макроэкономических сил, локальных экономических тенденций и социальных практик. Выбор «мигрировать или не мигрировать» определяется, в том числе, этапом развития домохозяйства. В рамках транснациональной перспективы также исследуется множественность практик трансмигрантов, включающих их как в домашнее, так и принимающее общество [Basch, 1994: 8]. Пегги Левитт предлагает рассматривать денежные переводы в более широком контексте социальных трансфертов мигрантов, которые включают идеи, поведение, идентичность и социальный капитал и играют роль в формировании транснациональной коллективности, а также оказывают помощь развитию сообщества [Levitt, 1998: 926—948].

Что касается миграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности между Россией и странами Средней Азии, то в работах международных организаций (например, Международной организации миграции, Всемирного банка) и в академических исследованиях также преобладают эконометрический подход, а фокус сосредоточен на масштабах миграции и на денежных переводах (например, [Постсоветские трансформации..., 2009]). Среди российских специалистов, исследовавших миграцию в рамках этого подхода, наиболее известны Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян [Зайончковская, 2001, 2003; Зайончковская, Витковская, 2009; Денисенко,

1989]. Экономико-демографические аспекты трудовой миграции довольно подробно изучены [Рыбаковский, 2003; Рязанцев, 2007; Рязанцев, Ткаченко, 2010], как и социально-интеграционные аспекты трудовой миграции в России [Мукомель, 2012; Терюканова, 2004].

В последнее десятилетие также вышел ряд в первую очередь англоязычных работ, посвященных особенностям миграционных процессов в странах Средней Азии после распада Союза, а также их последствиям для экономической, культурной и социальной жизни в этих государствах [Marlene, 2013; Rahmonova-Schwarz, 2009]. На этом фоне выделяются работы Мадлен Ривз, которая на примере мигрантов из Кыргызстана в России показывает значимость моральных аспектов принятия решения о трудовой миграции: такое решение «соотносится с общими представлениями о справедливом накоплении и распределении богатства» [Ривз, 2009: 262]. Алишер Ильхамов подчеркивает значимость соблюдения обрядов жизненного цикла в экономических практиках домохозяйств мигрантов Узбекистана [Ilkhamov, 2013: 259—284]. Согласно его наблюдениям, такие семейные события, как похороны, обрезание и, особенно, свадьба, часто становятся причиной миграции и существенной статьёй расходов в бюджете расширенной семьи, члены которой находятся в трудовой миграции, что приводит к усилению патриархальности и даже формированию ритуальной экономики, в которой трудовая миграция, точнее доходы от нее, играют первостепенную роль.

Соглашусь с этими исследователями в том, что трудовая активность мигранта из Средней Азии в России имеет не только экономические функции, но и функции воспроизводства капитала, формирования спроса и предложения, обмена вещами и идеями и т. д. В данной статье предпринята попытка проанализировать малоизученные транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России, включая анализ доходов, расходов, а также процесс принятия решения по поводу распределения доходов как мигранта, так и его семьи в стране исхода.

Доходы

В семье трансмигранта, как и в любом домохозяйстве, финансовый круг состоит из доходов и расходов. Доходы делятся на первичные, доходы от собственности, текущие трансферты и прочие поступления. Семейный доход трансмигранта складывается из заработка мигранта, который, как правило, составляет большую часть доходов всей семьи, включая доходы членов семьи на родине (например, пенсия родителей, заработная плата жены, продукция сельского хозяйства, доходы от мелкого бизнеса).

Доход мигранта, как правило, равен его заработной плате, размер которой зависит от миграционного стажа и сферы занятости. При первом приезде в Москву в течение нескольких месяцев заработная плата ниже, чем в последующие месяцы. Кроме того, большая ее часть уходит на обустройство на новом месте и в первую очередь на оформление документов. В этот период незаменимым источником помощи для мигранта являются его родственники, а в некоторых случаях земляки, приехавшие ранее. Доход редко сохраняется в одинаковом размере на протяжении всей миграции, потому что мигранты теряют или меняют работу вследствие

личных и объективных экономических причин, например, финансовых кризисов или недобросовестности работодателей. Однако со временем наблюдается постепенная стабилизация дохода и даже его рост.

Уровень заработной платы в целом выше в строительстве, а не в сфере ЖКХ (дворники, уборщицы), и совсем немного выше заработной платы в общепите (например, повара и официанты). Минимальный ежемесячный заработок у женщин незначительно ниже, чем у мужчин (например, уборщица зарабатывает около 20 тыс. руб., дворник — 16—20 тыс. руб.). Доход женщины иногда может доходить до 45—60 тыс. руб. (у продавца на рынке или у няни с проживанием в семье). Однако средняя заработная плата мужчин выше средней заработной платы женщин, потому что первые чаще заняты в строительстве, где средний ежемесячный доход составляет 35—40 тыс. руб.¹

По мере адаптации, освоения условий мегаполиса некоторые мигранты находят одновременно несколько работ (например, уборка в нескольких офисах). Очень ярко принцип работы в условиях мегаполиса выразил мужчина из Узбекистана, который в миграции с 2007 г. и последние четыре года работает сантехником: *«в Москве, как я уже понял, есть неписаный закон — работать. Вы просто работаете в одном месте, допустим, на стройке, а зарабатывать — это значит найти вторую работу».*

Расходы

В самом общем виде структура расходов трудовых мигрантов мало отличается от структуры расходов рядового российского гражданина. Расходы обычно делятся на кратко-, средне- и долгосрочные (в первую очередь накопления и приобретение земли или дома, строительство дома). Однако приоритет распределения между кратко- и долгосрочными расходами семьи мигранта и их наполнение подчинено миграционной логике минимизации краткосрочных расходов, таких как питание, проживание, транспорт, в некоторых случаях среднесрочных расходов и максимизации долгосрочных расходов, собственно ради которых большинство и уезжает в трудовую миграцию.

Существенную часть краткосрочных расходов в миграции составляет аренда жилья. Она определяется предложением на рынке аренды жилья для мигрантов (койко-место в квартире стоит от 4 до 6,5 тыс. руб. в месяц). В расходах на проживание некоторые мигранты также придерживаются стратегии минимизации. Уменьшить расходы на жилье удается тем, кто проживает в общепитии от фирмы, в которой работает — это, как правило, сферы строительства или ЖКХ. Другая возможность уменьшить расходы на проживании — самому стать основным квартиросъемщиком. Например, так поступила информантка С., женщина из Киргизии, которая в течение года копила деньги, для того чтобы снять не койко-место, а полностью квартиру, куда она привезла двоих детей. Дети вернулись на родину, а она осталась основным квартиросъемщиком, сдает койко-места в квартире своим землякам, что покрывает стоимость проживания для нее и ее брата с женой.

¹ Размер заработной платы является приблизительным, составлен на основании анализа данных интервью, проведенных в 2014 г. и приводится, чтобы показать определенную стратификацию среди мигрантов.

Другим видом текущих расходов являются личные траты: на питание, проезд, мобильную связь и Интернет. Размер подобных расходов варьирует от 5 тыс. руб. до 10—15 тыс. руб. на человека в месяц. Эту часть расходов многие мигранты также стремятся минимизировать самыми разными способами, экономя даже на питании. Например, женщины, которые работают частными нянями или сиделками, как правило, не тратят на жилье и питание совсем, так что в их случае личные расходы составляют несколько тысяч рублей в месяц. Некоторые мужчины, мигранты из Таджикистана, родные братья или просто родственники, стремятся жить вместе, потому что это позволяет разделить расходы по питанию на всех.

Определенную часть расходов составляет помощь землякам и родственникам в Москве. Его размер определяется степенью родственной близости к мигранту: чем ближе, тем расходы могут быть выше. Например, молодая женщина из Киргизии несколько месяцев содержала своего брата, приехавшего на работу в Москву, оплачивала его проживание и питание, пока он не нашел работу. Распространена практика помощи и просто незнакомым землякам: *«Он говорит (имя мигранта) такой-то умер. Надо ему помочь. Вопросов нет. Кто 500 рублей, кто 100 рублей. Кто сколько мог. Никого не вынуждал. У меня два раза такой случай был»* (мужчина из Узбекистана).

Как отмечалось выше, при первом приезде как минимум несколько месяцев уходит на адаптацию, в том числе экономическую, на то, чтобы определить структуру и размер первичных расходов (кому и сколько необходимо заплатить за пакет миграционных документов: за регистрацию, медицинскую страховку, разрешение на работу или патент, въезд и выезд из страны). Стоимость такого пакета на год, по данным 2014 г., составляла от 20 тыс. руб. и выше. Данные расходы можно отнести к категории среднесрочных. Кроме того, часто первое время мигрант работает на то, чтобы вернуть долг родственникам, землякам, которые одалживали деньги на приезд и обустройство.

Другую часть среднесрочных расходов составляют сбережения на черный день. Соображения, почему часть денег сберегается в Москве, а не сразу переводятся домой, могут быть разными. Некоторые мигранты откладывают от нескольких до десяти тысяч рублей как финансовую подстраховку в таких непредвиденных ситуациях, как болезнь самого мигранта или болезнь/смерть родственников дома. Так случилось с мужчиной из Таджикистана, брат которого попал в аварию, и ему срочно пришлось вылететь домой, а отложенные деньги позволили быстро купить билет, не обращаясь ни к кому за помощью: *«...в шесть часов вечером сказали, я в двенадцать часов билет взял и уже завтра в 10 часов дома был»*. По рассказу мужчины в возрасте 27 лет из Киргизии, когда он начал строительство дома на родине, однократного перевода денег домой было недостаточно для какого-то отдельного этапа строительства. Поэтому он решил не отправлять все деньги, а собирать определенную сумму на дебетовой карточке в Москве. Такой же мотив руководил и молодой женщиной из Киргизии. Работая уборщицей, она за год накопила 160 тыс. рублей на машину отцу. Для другой информантки, женщины из Узбекистана, работающей частной няней, отправлять каждый месяц все деньги домой не столь актуально, потому что ее взрослые дети уже работают самостоятельно, поэтому она предпочитает соби-

рать определенную сумму в Москве и только потом переводить домой на подарки внукам и на ремонт своего дома.

Большая часть дохода мигранта, как правило, в виде денежных переводов отправляется в семью на родине. По согласованию между членами семьи полученная сумма делится на текущие расходы (питание, обучение детей в школе и т. п.) и на долгосрочные расходы (в банк под проценты, крупные покупки, инвестиции в строительство или бизнес, обряды — как правило, свадебный и посвященный обрезанию).

Оценке размера и роли денежных переводов мигрантов посвящено большое число исследований как экономического поведения мигрантов из Средней Азии, так и миграционного обмена между Россией и государствами Средней Азии. По данным Всемирного банка, объемы денежных переводов в республики Средней Азии непрерывно росли на протяжении всех 2000-х гг. Ежегодные денежные переводы в Таджикистан с 2003 г. до 2010 г. выросли минимум в 10 раз (с 146 млн до 2065 млн долл. США); в Кыргызстан также более чем в 10 раз (в 2003—78 млн долл. США, в 2010—1037 млн долл. США)². Ежегодный средний размер денежных переводов в Киргизию на домохозяйство составляет 1380 долл. США. В Таджикистане около 11 % семей мигрантов получают переводы от 2000 долл. США в год, почти 26 % — до 2000 долл. США в год; 25 % — до 1000 долл. США, 22 % — до 500 долл. США, 7 % — до 200 долл. США, 5 % — до 100 долл. США, ничего не получают от уехавших на заработки около 3 % семей [Ульмасов]. Ежегодные денежные переводы трудовых мигрантов Узбекистана в 2008 г. превысили 1,5 млрд долл. США [Максакова, 2009: 344]. В последние три года по доле денежных переводов в ВВП лидирует Таджикистан (48 % ВВП страны), а в Кыргызской Республике денежные переводы составляют 31 % ВВП [Ульмасов].

Также, согласно данным Всемирного банка, использование денежных переводов имеет страновую специфику. Большая часть переводов в Таджикистане тратится на потребление (47 %), образование и здоровье (22 %), ремонт дома (15 %) и сбережения (10 %) [Tajikistan Policy Note: 14]. В Узбекистане в 80 % случаев переводы идут на удовлетворение основных потребностей семьи, т. е. на продукты питания, одежду и другие повседневные потребности [Максакова, 2009: 344]. Отмечают следующую закономерность: чем беднее семья, тем большая часть доходов тратится на первоочередные нужды.

В целом стратегии долгосрочных расходов и приобретений семьей за время миграции определяются причинами миграции, тем, ради чего человек и отправляется на работу в Россию: 1) покупкой или строительством дома, квартиры; 2) обучением детей; 3) организацией и празднованием событий жизненного цикла, в первую очередь свадьбы детей (братьев, сестер) и обрезания.

По мере взросления детей увеличивается статья расходов в семейном бюджете на их образование. Вот приобретения семьи из Узбекистана за семь лет миграции в Москве главы семьи: на его родине жена и четверо детей, помимо компьютерной

² Финансово-экономический кризис 2008 г. в России привел к снижению объема переводов примерно на 25 % в 2009 г. Источник: Migration and Remittances Factbook 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/0,,contentMDK:21352016~pagePK:64165401~piPK:64165026~theSitePK:476883,00.html> (дата обращения: 27.07.2015).

техники (моноблок, ноутбук) построили дом, купили машину, поставили памятник на могилу матери, оплатили обучение в институте старшего сына. В планах — обучение в платном колледже среднего сына, накопления на свадьбу старшему сыну и на постройку еще одного дома.

Планирование семейных поступлений и расходов решается на семейных советах, в которых обычно принимают участие старшие мужчины — отец мигранта и работающие взрослые мужчины, причем деньги распределяются не только жене и детям мигранта, но и родителям и другим членам большой семьи. Вначале решаются вопросы старших детей (постройка дома, женитьба, замужество), затем других членов семьи, в том числе неженатых сыновей, находящихся в миграции, которые едут жениться домой. Например, в случае с мужчиной из Таджикистана Х., который вначале зарабатывал деньги на постройку дома старшему брату, а в настоящее время копит себе на женитьбу. После свадьбы он планирует вернуться в Москву и продолжить работать, но уже с тем, чтобы строить дом себе.

В семьях мигрантов важна роль старшего мужчины (как правило, отца и/или старшего брата). Это традиционный тип отношений внутри расширенной семьи, часто управляемой патриархальными ценностями и нормами, в той или иной степени характерен для всех стран Средней Азии [Ilkhamov, 2013: 260]. Даже если семья состоит более чем из одного домохозяйства, ее члены продолжают вкладывать доход в общий бюджет. Куда тратить деньги, определяет семейный патриарх, остальные члены семьи получают прибыль из общего бюджета в зависимости от возраста, потребностей, возможностей заработать.

Данный вывод подтверждается и нашими информантами, в первую очередь из Таджикистана и Узбекистана, в меньшей степени из Кыргызстана. Лучше всего эту систему можно проиллюстрировать цитатой из беседы с Н., мужчиной из Таджикистана, которые в течение 12 лет работает в Москве. *«Папа, мама, семья, дети, все мы живем, все у нас общие деньги. ...Мне сейчас надо дом строить, а брат говорит, ты свои деньги не трать, свой дом строй, я буду дома кормить, папу-маму. Вот так получается у нас, сколько я здесь работаю. Он кормит, там смотрит все, и я только буду свой дом строить. Или когда получается, у него работы нет, я буду дом кормить. И дома помогаем друг другу».*

Мало кто без разрешения старшего в семье, отца или матери, уезжает в трудовую миграцию. В связи с этим встречаются случаи, когда родительское разрешение на работу вне дома получают в возрасте 40 лет. По словам С., мужчины из Узбекистана, его отец очень долго не разрешал уезжать из дома: *«...он до этого года сказал, не надо уезжать туда. Вот работаешь и работай дальше. В этом году я сказал: „Отец, давай поедем туда мы, работать“. А он ответил: „Не знаю, если хотите, идите“. Вот и приехали».*

Когда сыновья благодаря работе в России становятся основным источником финансового благополучия расширенной семьи, возрастает их роль и в решении всех семейных вопросов. Это хорошо видно на примере семьи Т., мужчины из Таджикистана, который уже практически 10 лет обитает в Москве: *«...Я принимаю решение, кого из семьи забирать, кого нет в Россию. Я работаю, брат работает, отец сам. Какой-то копейка в семье появляется, все у отца. Я допустим, если что-то собираюсь делать, куда ехать, что делать, сначала советуюсь с отцом. А потом*

уже придем к какому-то решению, потом делаем. А предлагаю я, что вот так надо. А отец скажет, да. Или — как знаешь. А потом уже все, я сам действую. Так всегда. С самого, как говорится, начала, как я начал работать, зарабатывать, помогать семье. Потому что просто родители знают, что я делаю, чтобы для них лучше было».

Помимо названных особенностей отношений между старшими и младшими поколениями и принципом солидарности, которому традиционная семья следует в распределении переводов и доходов, она характеризуется строгим соблюдением обычаев, касающихся жизненного цикла (рождение, вступление в брак, обрезание, смерть). Исполнение данных церемоний, которые, помимо внутрисемейных обязательств, также контролируется местным сообществом, является стратегическим приоритетом семейного бюджета [Ilkhamov, 2013: 269].

Стоимость этих церемоний может различаться в зависимости от семейного достатка, престижа, уровня, требуемого главой семьи, а также от минимальных требований, необходимых для получения одобрения местного сообщества. Например, в семье Т., мужчины из Таджикистана 33 года, за время его миграции было сыграно четыре свадьбы. По его словам, в настоящее время на одну свадьбу уходит в среднем 6—7 тыс. долларов, приглашается в среднем 200 человек, иногда больше, особенно если устраивается сельская свадьба, на которую приходят все жители кишлака (махалли). В связи с этим подобные семейные праздники имеют значимость не только собственно для семьи, но и для всего сообщества (села, кишлака, махалли), откуда мигрант родом и где остается его семья. Можно согласиться с наблюдениями Алишера Ильхамова, что проведение событий, посвященных семейным ритуалам, — это символические и практические инвестиции в сети солидарности, которые, во-первых, часто помогают мигранту выжить в миграции, во-вторых, поддерживают социальный статус и престиж семьи в локальном сообществе [Ilkhamov, 2013: 259—284].

Стратегическими расходами также можно считать деньги, которые семья мигранта тратит на подарки на свадьбы родственников и односельчан, что рассматривается как своего рода вложение, имеющие практическое (финансовая компенсация затрат на подарки) и символическое (общинная солидарность и признание) значение. По выражению Ш., молодого мужчины из Киргизии, это своего рода кредит, который возвращается, когда приходит черед жениться кому-то из семьи, кто делал подарки ранее: *«Да, и возвращаем, когда они женятся. Мы привезем к ним, потому что они к нам привезли на свадьбу. Со временем инфляция растет. Больше сумма возвращается. Если я в этом году женился, стоимость барана 10 тысяч сомов, а если через пять лет он женится, я должен возвращать барана, а баран уже стоит 20 тысяч».*

К подобного рода расходам наряду с инвестициями в престиж семьи можно отнести регулярный сбор денег мигрантами в России, иногда совместно с мужчинами, оставшимися дома, на нужды сообщества населенного пункта, откуда родом мигрант. Например, в случае мигрантов из Кыргызстана сбор, контроль и распределение денег осуществляются через специально организованную сеть, состоящую в первую очередь из мужчин (одноклассников, односельчан), которая называется фонд-банкет. В нем, как правило, есть старший или ответственный за поддержание сети и ее регулярное пополнение. Как правило, изначально

фонды создаются для организации помощи землякам в миграции, но по мере их формирования сбор денег происходит и на различные нужды села, откуда мигранты родом. Другими словами, подобные фонды — это модернизированная практика взаимопомощи, берущая начало в традиционной соседской общинности, когда жители одного села собирают общую кассу и передают эти деньги наиболее незащищенным представителям сообщества, на общие сельские и религиозные праздники. Соседско-общинные фонды могут быть разного достатка, что часто связано со временем образования фонда и с длительностью нахождения в миграции его членов. Информация об успешных фондах циркулирует внутри более широкого сообщества соотечественников и становится своего рода образцом, желаемым остальными фондами. Некоторые фонды организованы частично по клановому принципу, точнее, участники этих фондов, как правило, выходцы из сел, в которых клановые отношения более сильны, чем в других киргизских селах, и это накладывает свой отпечаток на формирование и практики этих фондов в Москве.

Среди таджикских мигрантов также существуют свои практики взаимопомощи, которые можно отнести к долгосрочным расходам семьи. На них оказывают влияние структурные особенности социального устройства таджикского общества: расширенные семьи и объединение их в родовые группы (авлоды). В частности факторами сплочения членов авлода служат поддержание и проведение совместных традиционных обрядов, оказание помощи малоимущим и т. п. Эта практика существует и в Москве, где деньги собирают и распределяют по тому же принципу, что и в кишлаке. Причем, как и у мигрантов из Кыргызстана, деньги собираются не только на помощь своим землякам в Москве, но и на нужды кишлака, откуда они родом. По рассказам Т., мужчины из Таджикистана, его односельчане, работающие в Москве и живущие в Душанбе, за несколько лет собрали примерно 60 тыс. долларов на постройку новой мечети в его кишлаке. Механизмы поддержания данных практик те же, что и в родном селе, но теперь они объединяют не только членов общинной сети в Москве, но и членов сообщества дома.

Типы семейной экономики

На семейную экономику трудовых мигрантов из Средней Азии в России влияют такие факторы, как миграционный стаж мигранта, гендерные характеристики, семейный статус, что особенно актуально для женщин, а также то, где живут супруги в миграции, совместно или раздельно они проживают, есть ли в семье дети, какого они возраста, с кем из родителей или других членов семьи они проживают, кто считается главой семьи и сколько ее членов находится в миграции.

Один из принципиальных критериев, определяющих семейную экономику, состоит в том, кто в семье принимает финансовые решения о планировании семейного бюджета. Косвенным критерием для определения главы семьи является то, кому мигрант отправляет деньги, кому доверяет заниматься сохранением денег и расходами дома. Исходя из этого можно выделить четыре типа вовлеченности семьи в миграцию и, следовательно, типа организации семейной экономики.

Первый тип составляют семейные пары в миграции, чьи прежде всего несовершеннолетние дети остаются на родине с родителями мужа, жены или с другими взрослыми родственниками. К нему также можно отнести случаи, когда несо-

вершеннолетние дети проживают вместе с родителями в миграции. Для этого типа, как правило, характерно совместное обсуждение финансовых вопросов, хотя окончательное решение остается за главой семьи: за мужчиной. У такой миграционной стратегии есть свои плюсы и минусы. Наиболее очевидный плюс состоит в том, что два человека объединенными усилиями могут быстрее заработать больше денег. Отрицательная же сторона в том, что несовершеннолетние дети остаются практически без присмотра, потому что, как правило, пожилые родители мигранта не могут дать ребенку того внимания, которое обеспечивает хотя бы один из родителей. Данный тип в большей степени характерен для мигрантов из Кыргызстана и частично из Узбекистана. Вот пример семейной пары, которая за 7—8 лет в миграции накопила около 2 млн сом, на которые пристроили две комнаты, летнюю кухню, забор и туалет. Но какой ценой дается этот доход, можно увидеть на примере супруги. Работая дворником, уборщицей в двух местах и посудомойкой в кафе, две недели своего отпуска она была вынуждена провести в больнице, чтобы хоть немного поправить здоровье. Еще одна семейная пара приехала в Москву из Кыргызстана впервые 2011 г., когда обоим было по 45 лет. В первый год им практически не удалось отправлять деньги домой. Начав копить совместными усилиями деньги с зарплаты мужа, жены и одного из старших сыновей, работающего также в Москве, с 2012 г., помимо оплаты обучения в колледже другого сына, они собрали в банке около 400 тыс. сом, на которые планируют закладывать фундамент своего дома.

Несколько отличается список приобретений пар с уже взрослыми детьми от молодых семейных пар с несовершеннолетними детьми. По словам женщины из Узбекистана, пока они вместе с мужем работали четыре года в Москве, им удалось накопить около 100 тыс. долларов. Основными видами расходов стала организация двух свадеб их взрослых детей, с которыми соединили проведение обрезаний для двух внуков. Но если в семье есть несовершеннолетние дети, значительная часть расходов идет на их обучение и на улучшение жилищных условий.

Второй тип семейной экономики условно характерен для женщин-одиночек. К ним можно отнести и официально замужних женщин, которые не живут вместе с мужем, даже если таковой находится в Москве. Кроме того, часто у супругов отдельные бюджеты. К тому же к женщинам-одиночкам относятся замужние женщины в возрасте от 40 лет, у которых мужа и взрослые дети остаются дома, но бюджет с супругом совместный. В таких случаях женщина часто является основным финансовым источником для семьи, оставшейся дома. Она отправляет деньги на содержание детей, а также откладывает их на долгосрочные расходы. Деньги переводятся либо родителям, либо сестрам или братьям, которые на месте не только отвечают за детей мигранта, но и занимаются размещением его сбережений. Если работает женщина, у которой есть взрослые дети, приоритетными расходами являются сбор денег на их свадьбу, а также на организацию похорон родственников.

Часто женщина фактически становится главой семьи, принимает финансовые решения самостоятельно или по согласованию со своими старшими родственниками, поскольку роль основного добытчика переходит к ней. Информантка С. из Киргизии, 33 года, у которой уже больше года отдельный бюджет с мужем,

работающим также в Москве, посылает деньги свекрови, с которой живут их дети. Кроме того, она отдельно посылает деньги брату, который кладет их на счет в банке.

Третий тип семейной экономики характерен для семей, в которых в трудовой миграции находится холостой мужчина или женщина, одновременно с ним или с ней в миграции могут быть родные братья или сестры, в то время как родители и другие братья или сестры остаются в отправляющей стране. Глава домохозяйства чаще всего отец, если его нет — мать мигранта, которому мигрант и отправляет заработанные деньги. Этот тип характерен для одиноких молодых мужчин и девушек, которые, как правило, приезжают в Россию заработать денег на свою свадьбу, образование и на помощь родителям, оставшимся дома. Сумма их накоплений и, соответственно, приобретений меньше той, что удастся заработать семейным парам. Но несмотря на это денежные переводы от них составляют заметную часть семейного бюджета, позволяет улучшать качество жизни и даже помогать делать довольно крупные покупки. Например, молодая женщина из Киргизии, которая находится в миграции с 2007 г., за шесть лет накопила денег на покупку легковой машины своему отцу и на частичный ремонт дома.

Четвертый тип характерен для семей женатых мужчин, чьи жены с детьми остаются на родине. Мужья являются основным источником финансов для семьи, причем не только для своих жен и детей, но и для всей расширенной семьи, число членов которой может достигать до нескольких десятков человек. Этот тип характерен для трудовых мигрантов из всех среднеазиатских стран, но более типичен для мигрантов из Таджикистана, являющихся представителями одной из самых ранних трудовых миграций на постсоветском пространстве. Так, Э., мужчина 40 лет из Таджикистана, впервые приехал в Москву в конце 1990-х гг. Зарабатывая ежемесячно по 300 долларов, 150—200 из них отправлял домой. Первой крупной покупкой стала трехкомнатная квартира в Душанбе. Причем деньги на покупку дал старший брат, который приехал в Москву на несколько лет раньше. Таким образом, заработанные младшим братом Э. деньги пошли на покупку квартиры старшему брату. За время миграции он заработал на свою свадьбу, у него родилось трое детей. М., молодой мужчина из Киргизии (27 лет), за семь лет своей миграции женился, поменял несколько машин, на деньги от продажи последней машины начал строительство дома — заложил фундамент и стены. В семье мужчины из Таджикистана за время его десятилетней миграции была куплена двухкомнатная квартира для самого мигранта, были сыграны три свадьбы (в том числе самого мигранта), получили среднее или высшее образование его братья и сестры.

Заключение

Семейная экономика трудовых мигрантов отражает множественность транснациональных и транслокальных практик, включающих мигрантов как в домашнее, так и в принимающее общество. Основная характеристика финансового круга домохозяйства трудового мигранта состоит в том, что соотношение доходов и расходов подчинено миграционной логике минимизации краткосрочных расходов (аренда жилья, личные траты), в некоторых случаях среднесрочных расходов (например, оформление миграционных документов) и максимизации долгосрочных расходов. Большая часть дохода в виде денежных переводов отправляется в се-

мью на родине, и уже по согласованию между членами семьи делится на текущие и на долгосрочные расходы.

На структуру долгосрочных или стратегических расходов семей трудовых мигрантов значимое влияние оказывают особенности социального устройства среднеазиатских обществ: расширенные семьи и объединение их в родовые группы, особенности отношений между старшими и младшими поколениями, принцип солидарности при распределении переводов и доходов; соблюдение традиций, касающихся жизненного цикла (рождение, вступление в брак, обрезание, смерть). Расходы семьи мигранта на проведение семейных обрядов, а также регулярный сбор денег мигрантами в России, иногда совместно с мужчинами, оставшимися дома, на нужды сообщества населенного пункта, откуда мигранты родом, имеют, помимо практического, и символическое значение (общинная солидарность и признание).

Анализ таких факторов, как миграционный стаж, гендерные характеристики; семейный статус (а также, где живут супруги в миграции, вместе или раздельно), есть ли в семье дети, какого они возраста и с кем из родителей или других членов семьи они проживают; кто считается главой семьи и принимает финансовые решения, можно выделить четыре «идеальных» типа вовлеченности семьи в миграцию и, следовательно, типа организации семейной экономики: 1) семейные пары в миграции, чьи, чаще всего несовершеннолетние, дети остаются с родителями мужа, жены или с другими взрослыми родственниками на родине; 2) семья, в которой женщина, состоящая в официальном браке без проживания с супругом или разведенная, работающая в миграции, становится фактически единственным финансовым источником семьи (наиболее типично для мигрантов из Кыргызстана); 3) семья, в которой в трудовой миграции находятся молодой холостой мужчина или незамужняя женщина, и основная цель их миграции — заработать на свадьбу или постройку дома; 4) семья, в которой муж работает в миграции, а жена с детьми остается на родине (наиболее типично для мигрантов из Таджикистана).

Список литературы

Воробьева О. Д. Миграционная политика / Миграция населения. М., 2001. Вып. 6.

Денисенко М. Б., Ионцев В. А., Хорев Б. С. Миграциология. М. : Изд-во МГУ, 1989.

Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // Трудовая миграция в России. М. : Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, 2001. (Серия «Миграция населения». Вып. 2. С. 3—27).

Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция // Отечественные записки. 2003. № 3 (12). С. 177—188.

Постсоветские трансформации : отражение в миграциях / под ред. Зайончковской Ж. А., Витковской Г. С. М. : ИТ «АдамантЪ», 2009.

Ионцев В. А. Международная миграция населения : теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999.

Максакова Л. Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации : отражение в миграциях / под ред. Ж. А. Зайончковской, Г. С. Витковской. М. : ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 323—349.

Мукомель В. И. Политика интеграции мигрантов в России : вызовы, потенциал, риски : рабочая тетрадь / гл. ред. И. С. Иванов ; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2013. 34 с.

Мукомель В. И. Трансформация трудовой миграции : социальные аспекты // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. Вып. 11. С. 236—263.

Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма : микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 262—280.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.

Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии : тенденции, последствия, подходы к регулированию. М. : Формула права, 2007.

Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. Мировой рынок труда и международная миграция : учебное пособие. М. : Экономика, 2010.

Терюканова Е. Трудовая миграция в России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/trudovaya-migraciya-v-rossii> (дата обращения: 31.10.2015).

Ульмасов Р. Денежные переводы таджикских трудовых мигрантов : проблемы и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://raspp.ru/novosti/raspp_ekonomika/denezhnye_perevody_tadzhikskih_trudovyh_migrantov_problemy_i_vozmozhnosti/ (дата обращения: 27.07.2015).

Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М. и др. Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с. (Научные доклады: социальная политика).

Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia / Marlene L. (ed.). Leiden&Boston, 2013.

Rahmonova-Schwarz Delia. Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia. Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. Nomos, 2009.

Basch Linda, Glick Schiller, Szanton Nina, Blanc Cristina. Nations Unbound Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. London—New York : Routledge, 1994.

Cohen Jeffrey H. Transnational Migration in Rural Oaxaca, Mexico : Dependency, Development, and the Household // *American Anthropologist*. 2008. No 4. 103 (4). P. 954—967.

Gilder G. Wealth and Poverty. N.Y. : Basic Book, 1981.

Ilkhamov A. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2013. Vol. 138. P. 259—284.

Kazuhiro K. Tajik Labour Migrants and their Remittances : Is Tajik Migration Pro-Poor? // *Global COE Hi-Stat Discussion Paper Series*. March 2011.

Levitt Peggy. Social Remittances : Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // *International Migration Review*. Winter, 1998. Vol. 32. No 4. P. 926—948.

Massey Douglas S., Arango Joaquin, Hugo Graeme, Kouaouci Ali, Pellegrino Adela and Taylor J. Edward. Theories of International Migration : A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. Sep. 1993. Vol. 19. No 3. P. 431—466.

Migration and Remittances Fact book 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/0,,contentMDK:21352016~pagePK:64165401~piPK:64165026~theSitePK:476883,00.html> (дата обращения: 27.07.2015).

Odet S. The Migration of Labor. Basil Blackwell : Oxford, 1991.

Tajikistan Policy Note : Enhancing the Development Impact of Remittances. June 2006 [Электронный ресурс] / Poverty Reduction and Economic Management Unit. Europe and Central Asia. Document of the World Bank. 2006. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTECA/Resources/TajikistanPolicyNote.pdf> (дата обращения: 27.07.2015).

Todaro Michael P. Migration and economic development : A review of theory, evidence, methodology and research priorities. Occasional Paper 18. Nairobi : Institute for Development Studies : University of Nairobi, 1976.

Wallerstein I. The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730—1840's // *The Modern World-System*. San Diego : Academic Press, 1989. Vol. III.